

Несколько лет назад во время обсуждения в Вологодском педагогическом университете предложенного мной списка имен в литературный раздел Вологодской энциклопедии два известных профессора наотрез отказались включить в нее поэта Алексея Шадринова и критика Вячеслава Белкова: « – Кто такой этот Шадринов? Кто о нем вообще слышал? А Славу Белкова мы все знаем, мы же его учили, его ставить в раздел смешно!» Тогда спор ничем не закончился – каждый стоял на своем... В 2005 году в Москве был издан гигантский словарь в трех томах «Русская литература XX века», в котором можно прочитать и статью о Шадринове, и ссылки на авторитет Белкова, а в январе 2007-го в областной столице вышла и Вологодская энциклопедия, в которой Вячеслав Белков еще живой...

Теперь уже навсегда.

ЛИРИКА СЕРГЕЯ ЧУХИНА

Среди русских поэтов, обещавших сделать так много, но не сумевших обрести собственную поэтическую стезю, одним из самых проникновенных лириков был Сергей Чухин. Он начинал во второй половине 60-х годов, в период расцвета "тихой поэзии". Тишина - важнейшее слово в его лирике: "Нигде передохнуть... Такая тишь!", "И душа от холода хранима Этим снегом, этой тишиной..." Оказывается, не только сейчас тишина "застойного" времени воспринимается как "золотой век" новейшей русской истории:

Не найдешь в деревне человека,
Что сегодня пасмурен, сердит.
Как начало золотого века,
Золотой денек такой стоит.

Имена Фета, Тютчева, Полонского - тоже "знаковые" для "тихой" лирики:

Ночь онемела здесь, над полем,
И звезды августа летят,
И Фет читается запоем,
И человек покою рад.

- Это С. Чухин. А вот - Н. Рубцов: "Но я у Тютчева и Фета Проверю искреннее слово..." Или - В. Соколов: "Со мной опять Некрасов И Афанасий Фет..." За это Е. Евтушенко назвал "тихий" обидным и нелепым словом: "фетята"...

Сейчас становится понятным, что в "тихой" лирике преобладала не эстетическая тишина, а неясное предчувствие, ощущение затишья перед бурей:

И странное чувство такое
Преследует душу, как бред:
Среди тишины и покоя
Как раз вот покоя и нет.

И поэтому мотив "летаргического" сна, больше похожего на сон Ильи Муромца, был типичным для многих, в том числе и для С. Чухина:

Деревня тихо спит. Собаки даже спят
Незлобные, забыв про полые ворота...

Для него, как и для других поэтов-"почвенников", бывших в то время основой "тихой" поэзии, главным жизненным и нравственным ориентиром была деревня:

Из лужи в лужу новую ныряя,
Глядим вперед за каждый поворот
С надеждою, что пусть и не родная,
Но все-таки деревня промелькнет.

Земля - еще одно ключевое слово в его лирике: "Но не схожу я, как думают, с круга - Рядом со мною родная земля..." Слово "земля" означало для почвенников: "Родина", "мать-земля", и С. Чухин не был исключением (стихотворения "Осенняя заря, заря глубокая...", "Мне тяжело, когда верно привычке..."):

Как птица к небу
И как пахарь к полю,
Так я
Привязан к родине своей.

Поэзия Сергея Чухина - это прежде всего прекрасные пейзажи, бытовые сценки. Его стихи отличаются строгостью композиционного построения, умелым использованием разговорного языка, тщательной отделкой строки. Голос его - чистый и свежий - поражает своей душевной открытостью, отзывчивостью, незащищенностью...

Настроив душу на добро,
На чистоту лесной бересты,
Понять природу так же просто,
Как птице обронить перо...

В целом С. Чухин не выходил из тесных, раз и навсегда выбранных рамок лирической темы и лирического сюжета:

Опять,
Опять весну припомнил прежнюю!
Ночные тропы, тишину - опять...
Но все труднее стало жить надеждою
И самому надежды подавать.

В его стихотворениях можно услышать есенинские интонации (например, из "Анны Снегиной"): "Любовь миновала, но все же Она не минула нас..." Он во многом отталкивался от поэзии Есенина. Сравним:

С. Есенин: Я скажу - не надо рая!
Дайте родину мою...

С. Чухин: Может, жизненный путь завершая
(Хоть и долгих желаю годков),
Не захочешь ни ада, ни рая,
А холщовых
Во ржи
Васильков.

Иногда в его лирике сливаются интонации рубцовские и яшинские (из стихотворения Н. Рубцова "Я люблю судьбу свою..." и предсмертного стихотворения А. Яшина "Так же будут юноши писать..."):

Что, ребята, горевать, -
Нет бессмертья людям!
Если быть - не миновать,
То и мы там будем.

Только каждый в свой черед...
А черед - куда же?
Тут никто не разберет,
Разум не подскажет.

А порой можно встретить и целую яшинскую строку (из стихотворения "Отходная"): "Как незаметно наступила осень..."

Тема отдельного разговора - "С. Чухин и Н. Рубцов". Сергей Чухин посвятил ему несколько стихотворений, есть у него и прямые упоминания Рубцова в тексте:

А нас и так осталось мало...
Да что тут сетовать на жизнь!
Как говорил Рубцов, бывало,
Коли поехал, так держись!

Сергей Чухин сам признавался:

Наша юность росла
Под рубцовой звездой полевою,
Что светила призывно
Для вечноблуждающих нас.

"Рано приобщившийся к поэзии, еще в школьные годы... поэт писал о том, что видел сам, о том, чем живут родные и близкие. В этом он ориентировался сразу и довольно определенно, но, едва овладев поэтической техникой, едва уловивши собственные интонации в голосе, он сразу оказался в трудной ситуации, - пишет В. Оботуров. - По складу характера С. Чухин - лирик,

склонный к созерцательности, элегической грусти, это ему присуще изначально. Но этим он оказался родствен, близок Николаю Рубцову, с которым он потом был дружен."

Первый, маленький (из 12 стихотворений) сборник С. Чухина "Горница" был отредактирован Н. Рубцовым в 1968 году. Старший товарищ многое поправил в книжке начинающего поэта и потом, в оставшиеся два года своей жизни, опекал его, верил в его талант.

Следующая книга стихов С. Чухина "Дни покоя" (1973), выпущенная московским издательством, подтвердила поначалу его дарование. В стихотворениях "Прошла машина, тяжело дыша...", "Далеко, за темными холмами...", "Позабыл и дом родной, и детство..." и др. был слышен все тот же голос, необычайно ровный, чистый, спокойно-торжественный, напоминавший лучшие образцы "тихой" лирики 60-х годов:

Куда спешить... И я домой не рвусь.
Я предаюсь неожиданному покою.
Запомнись же, запомнись мне такою,
Вечерняя и дорогая Русь!

Одно смущало внимательного читателя: темы стихотворений, ритмическое их строение, преобладающая неспешная разговорная интонация - все как бы продолжало Николая Рубцова. Сопоставления и сравнения можно делать бесконечно. Так, буквально с первых минут чтения любого из сборников С. Чухина вспоминаются рубцовские сюжеты:

По родной земле кочую,
По чужим домам ночую...
Стукну в дверь. Кричат: "Войдите!" -
"Можно переночевать?" -
"Проходите, бога ради!
Добрым людям будем рады.
Выбирайте, что хотите:
Вон - полати, вон - кровать."

Или рубцовские мотивы:

Иду в кромешной тьме, - а путь далек.
Сырой ноябрьский ветер валит с ног,
Но все ж я продвигаюсь понемногу.
И вот мелькнул заветный огонек!

Сплошь и рядом видны композиционные кальки с рубцовских строк, например, со стихотворения Н. Рубцова "Угрюмое":

На реке ивняки потемнели,
Потемнела гряда камыша,

Потемнели песчаные мели,
Но зато посветлела душа.

Более того - рубцовские интонации и даже рифмы:

Давно ли здесь - скажи на милость -
Сияла жесткая листва,
А как погода изменилась,
Как облетели дерева!

У Рубцова:

Меня прежние черты,
Меня возраст, гнев и милость,
Не только я, не только ты,
А вся Россия изменилась!..

И что совсем недопустимо - даже цитаты:

Судьба ко мне явила милость
Любить поля твои и тишь.
Но как чудно ты изменилась,
Россия милая!..

Увы, если Рубцов слышал печальные звуки, которые "не слышит никто", то Чухин только заявлял о своем желании их услышать:

О чем над нами шепчутся листы
И так согласно, не по-человечьи?
О как бы я хотел перевести
Все шорохи осенней темноты
На человечье косное наречье!

Василий Оботуров по этому поводу заметил: "Преодолеть влияние поэта, родственного по характеру, всегда труднее и тем не менее - необходимо." Однако последовавшие затем сборники С. Чухина ("Дым разлуки"(1974), "Осенний перелет"(1979), "Ноль часов"(1980), "Стихотворения"(1982)) не дали открытий; в них продолжилась все та же тема скитаний, узнавались те же легкие пейзажи, звучал все тот же голос, ясный, гармонический и - ничего своего. Несамостоятельность поэта уже вызывала раздражение критиков, время было упущено. Последняя, самая полная книга С. Чухина вышла спустя три года после его трагической гибели ("Придорожные камни", 1988). Новых стихов в ней совсем немного. Лучшее из них, пожалуй, "Письмо без адреса", в котором есть такая строка: "...У каждого свой путь и берег..." Сергею Чухину - увы - их не суждено было найти...

Е. Евтушенко в антологии "Строфы века" так сказал о С. Чухине: "Был младшим другом Николая Рубцова, во многом - его учеником, и, увы, почти так же рано ушел из жизни. След его в поэзии не столь заметен, но забыт быть

не может. Слова у Рубцова он не занимал, нашел свои." Можно согласиться с первой мыслью Евтушенко, но, к сожалению, не со второй. И небольшая подборка стихотворений Чухина в этой толстой книге не подтверждает ее (там есть, например, рубцовский эпитет: "достолавный городок", схожая в деталях ирония: "Головою покачаем, Коль на месте голова..."). Сергей Чухин сам все сказал о своей поэтической судьбе. Его голос - схож с рубцовским, разве только нежнее, но и он "забыт быть не может..."

От судьбы добра не ожидаю.
Руки опускают повода...
Но всегда под песней оживаю,
Где горит, горит моя звезда.
Подпеваю тихо, как умею.
И живу, не помнючи обид...
Отыщу струну, что всех нежнее.
Пусть она подольше говорит.

СЛОВУ ПРЕДЕЛА НЕТ

В 90-х годах наша литература была разделена на две половины: публицистическую и собственно художественную (о причинах этого разделения лучше всех сказал В. Распутин в «Моем манифесте»). Вологодская поэзия в этом смысле тоже не стала исключением.

Поэты старшего и среднего поколения, отрицательно относившиеся к тоталитаризму, не приняли и нового, «демократического» эксперимента над Россией. Так, Сергей Викулов, в целом работавший в жанре социально-бытовой поэмы, стал придавать ему историко-публицистический характер («Воспоминания о Китеж-граде» - о разрушении монастырей в 30-е годы; «Посев и жатва» - о коллективизации и др.). Более того, в его книгах «Святая простота» (1993) и «Точка кипения» (1997) есть не только сатирические, но и гротесковые стихи, появился и новый для Викулова жанр басни («У корыта»).

У Виктора Коротаева преобладали ораторские интонации (циклы стихотворений 1990-х гг., в частности стихотворения «Пришельцы», «Внушили нам и, кажется, неплохо...» и др.). Для него мир был четко поделен на «наших» и «не наших» (прежде всего в идеологическом отношении).

О. Фокина опубликовала в 1993 году в журнале «Молодая гвардия» цикл стихотворений «Поднимайтесь в полный рост!», в котором еще раз, но уже на ином уровне, заявила о приверженности некрасовской традиции. Теперь она - в «стане погибающих За великое дело любви».

Поэты старшего поколения в 1990-х годах пережили крах многих «народнических» иллюзий, хотя еще недавно некоторые представления казались незыблемыми: «В народ бы ринуться, но где народ?» (А. Романов). В. Кожи-